

УДК 811.161.1' 37+811.111'37

АНТРОПОНИМЫ В РУССКИХ И АНГЛИЙСКИХ ПОСЛОВИЦАХ: ЭКСПРЕССИВНОСТЬ И ОБОБЩЕННОСТЬ СЕМАНТИКИ

© Л.В.Гриченко

В статье выделены и рассмотрены универсальность и этноспецифика семантики экспрессивности и обобщенности антропонимов русских и английских пословиц. Приведены языковые, фольклорные и этно-лингвокультурные обоснования экспрессивности и обобщенности пословиц русского и английского языков.

Ключевые слова: пословица, антропоним, семантика, экспрессивность, обобщенность, диминутивные аффиксы.

Описание закономерностей функционирования и специфики репрезентации семантики экспрессивности субъектами действия, выраженными именами собственными, в настоящий момент представляется крайне актуальным. Особенную значимость данный вопрос приобретает в аспекте кросс-культурных исследований, нацеленных на выделение национальной специфики и универсальности функционирования антропонимов в пословицах и репрезентации ими семантики экспрессивности.

Обратившись к материалам словарей русских и английских пословиц (Даль В.И. Пословицы русского народа [1-2], Fergusson R., Law J. Dictionary of proverbs [3]), можно заключить, что антропонимы, оказываясь не самым частотным средством наименования субъекта действия в пословицах обоих языков, тем не менее выступают элементами содержания пословиц, в которых проявляется как этноспецифика, так и универсальность двух языков и культур, заложенные в вербализацию и функционирование имени, а также в репрезентацию его экспрессивной и оценочной семантики.

Наличие синкретичных признаков у пословицы, одновременно относящих ее и языку, и к речи, детерминирует, на наш взгляд, набор универсальных и этноспецифичных характеристик ее антропонимов-субъектов действия, которые обнаруживаются как в семантике имени собственного, так и в его функционировании.

К универсальным чертам имен собственных (антропонимов) в пословичных фондах обоих языков справедливо можно отнести их способность указывать на лицо, названное этим именем; возможность соотносить признаки, закрепленные за именем, характеристики, к которым данное имя применимо; обнаруживающуюся в тексте пословицы максимальную обобщенность антропонима, детерминированную как семантикой имени, в том числе и прецедентного, так и

особенностями пословицы, позволяющими реализовывать различную адресную, временную и пространственную направленности.

Как следствие, вне контекста субъект действия русских и английских пословиц, в том числе и репрезентированный именем собственным (антропонимом), не имеет однозначной временной и пространственной локализации из-за изначальной неоднозначности адресата. Пословица может быть ориентирована на самого себя и служит оценкой действий в прошлом или назиданием на будущее; на 2-е лицо и представляет собой побуждение, направленное во временной план будущего; может быть адресована 3-ему лицу и оценке его действий в прошлом. Таким образом, универсальным для имен собственных в пословичных фондах двух языков оказывается обобщенность (на уровне пословичного текста) / конкретность (на уровне употребления) их семантики, обнаруживающая диалектическое единство общего и частного, конкретного и обобщенного, индивидуального и надиндивидуального, вытекающего из общего содержания пословицы.

Несмотря на существенное сходство функционирования имен собственных (антропонимов) в пословичных фондах двух языков, а также обобщенность их семантики, обнаруживается и специфика их использования, образования (деривации), стилистической маркированности в пословичных фондах обоих языков, в совокупности тесно связанных с экспрессивностью антропонима и пословицы в целом.

Анализ фактического материала по двум языкам позволяет говорить о том, что этнолингвокультурную специфику способов репрезентации имен собственных русского языка составляют, во-первых, их достаточно частое использование по сравнению с английским языком, во-вторых, возможность использования диминутивных форм имен собственных, в-третьих, большое разнообразие имен собственных (*Фома,*

Пахом, Петр, Ананья, Яков, Сидор, Ермак, Макарь, Иван, Касьян, Марфа, Егор и др.): *Абросим не просит, а дадут – бросит* [2: 7]; *В людях Ананья, а дома каналья* [2: 298]; *Иван пиво пьет, а черт со стороны челом бьет* [1: 337].

Подобные заключения, указывая на неразрывную связь языка – культуры – коммуникации, констатируют взаимную работу лингвистических и экстралингвистических факторов в формировании, репрезентации и трансляции семантики экспрессивности именами собственными. Так, например, очевидной представляется связь способов формирования и репрезентации семантики экспрессивности антропонима-субъекта действия в русских пословицах с ориентацией русской лингвокультуры на более тесный контакт, неформальное общение, свободное выражение эмоций и экспрессии, сокращение дистанции, обусловленной языковыми возможностями и лингвокультурными традициями ведения коммуникации.

Полученные выводы находят свое непосредственное подтверждение в ряде авторитетных работ. Например, Р.Браун и М.Форд справедливо утверждают, что «мера распространенности личных имен хорошо согласуется с известным семантико-психологическим законом. В языковых коллективах степень лексической дифференциации внутри некоторого семантического поля растет с ростом значимости данного поля для данного коллектива» [4: 238].

На этом фоне национальную специфику английских личных имён составляет относительная устойчивость их семантики и формы: «Если в русском языке можно употребить в одном случае полное имя, а в другом уменьшительное, то в английском языке за человеком закрепляется преимущественно одна какая-то форма, которая используется в подавляющем большинстве случаев» [5: 44]: *If Jack is in love, he is no judge of Jill's beauty – Не с лица воду пить* [3: 18]. Как следствие, в пословичном фонде английского языка едва ли можно встретить уменьшительные и ласкательно – уменьшительные имена собственные.

Нерегулярность использования имен собственных и их незначительное разнообразие в английском языке, а также наличие диминутивных форм антропонимов исключительно на материале пословичного фонда русского языка позволяют говорить о том, что пресловутая английская сдержанность, конфиденциальность, закрытость, оказываясь ключевыми чертами исконно английского национального характера, могут репрезентироваться не только строго номинативными единицами, но и именами собственными.

Отсутствие аффиксов негативной/ позитивной оценки – словообразовательных (морфологических) средств формирования диминутивных форм имен собственных – также свидетельствует о свойственной англичанам закрытости: «Открытое проявление чувств, особенно негативных, в английской лингвокультуре не приветствуется, подобное поведение считается свидетельством недостаточной зрелости, невоспитанности человека, ставит окружающих в неловкое положение» [6: 100]. В русской лингвокультуре, напротив, приветствуется открытое и свободное проявление отношений и эмоций.

Достаточно ярко данная тенденция обозначена на материале русского языка, где частотным представляется функционирование диминутивных форм антропонимов-субъектов действия с суффиксами субъективной оценки, которые характерны для разговорной и экспрессивно окрашенной речи. Такие формы могут выражать как тёплое и ласковое, так и пренебрежительное, уничижительное, а порой и грубое отношение: *Коли поп Сеньку обманет, так и Сенька попу правды не скажет* [2: 31]; *Семка украл поросенка, а сказал на гусенка* [1: 365].

То, что диминутивные формы имён собственных в пословичном фонде русского языка отличаются многообразием семантики и функционирования, напрямую связано с содержанием пословиц и репрезентацией ими семантики экспрессивности. Как правило, такие единицы выражают аксиологически маркированное (негативное / позитивное), ироническое отношение к лицу, вызывая доброжелательную или иронически-снисходительную оценку адресата со стороны говорящего и окружающих.

Этно-лингвокультурную специфику русских пословиц с антропонимами, имеющими суффиксы субъективной оценки, составляет наличие дублирующих средств создания семантики экспрессивности, что ведет к частой ритмизации структуры, наличию повторов различных типов, в том числе и словообразовательных, формированию семантики противопоставления/ контраста и др. Данный факт способствует реализации семантики экспрессивности не только отдельных элементов пословицы, но и всего ее содержания. При этом использование комплекса средств создания семантики экспрессивности в русском языке ведет к интенсификации семантики экспрессивности цельнооформленной единицы, позволяет говорить о формировании экспрессивности разноуровневыми средствами

В русском языке возможность вербализовать на словообразовательном уровне антропонима семантику экспрессивности и аксиологиче-

скую направленность кроется как в системных характеристиках самого языка, так и в лингвокультуре, где стиль характерных для данного общества межличностных отношений детерминирует функционирование имен собственных. В этом случае национальную специфику использования английских антропонимов-субъектов действия составляет их относительная устойчивость в пределах пословичного фонда. По мнению А.Вежицкой, использование в русском языке экспрессивного словообразования объясняется тем, что в «русской культурной традиции исключительно важную роль играет степень интимности личных отношений» [7: 49-50], а также эмоциональная и экспрессивная насыщенность высказывания.

Таким образом, совершенно очевидно, что имена собственные в пословичном фонде русского языка обнаруживают, наряду с денотативным и сигнификативным, яркие коннотативный и этно-лингвокультурный компоненты значения. Последние создаются коллективными культурными коннотациями, ассоциациями и представлениями, закрепляясь в текстах пословиц. Особую значимость в этом смысле приобретает одновременная принадлежность пословицы и к языку, и к фольклору. На данный факт справедливо указывает Е.Ф.Данилина, которая отмечает такую характеристику имен собственных, как бинарность языкового и речевого, общего и частного [8: 9]. Наличие нескольких компонентов значения, а также чрезвычайная близость к фольклору позволяют концентрировать в семантике антропонима пословицы целый ряд субъективных этно-лингвокультурных смыслов, коннотаций и оценок.

Рассмотренные на материале русского языка антропонимы, в том числе и с диминутивными аффиксами субъективной оценки, относятся нами к разряду непрецедентных. В целом их использование в пословицах носит нереперентный характер: «Реперентально «пустое» имя собственное, кажется, вносит противоречие в суть жанра, противопоставляя обобщенность смысла конкретному имени собственному» [9: 42], и в определенной степени отличается от использования прецедентных имен и имен, тяготеющих по своей семантике к прецедентным.

Как указывалось выше, для пословичного фонда английского языка разнообразие антропонимов-субъектов действия, равно как и использование диминутивных их форм, не характерно. Несмотря на то, что использование имен собственных в зависимости от функции в предложении вне контекста может выражать отношение и к 3-му лицу, и ко 2-му, и даже к 1-му (при ис-

пользовании пословицы в отношении самого говорящего), английская лингвокультура стремится избегать прямого обозначения лица по имени, что в полной мере соответствует таким чертам английского характера, как сдержанность, бесконфликтность и непрямолнейность. Данный факт непосредственно отражается на языковом и на лингвокультурологическом уровнях, закрепляясь в нереализованности двойственной сигнификативной функции антропонима, а также в стремлении пословичного фонда английского языка и английской лингвокультуры, если и использовать имя собственное, то прецедентное или максимально приближенное к нему по семантике и/или функционированию.

Как следствие, в случае редких примеров использования имен собственных в пословичном фонде английского языка справедливо говорить, во-первых, об их исторической, библейской и культурной отнесенности (*Arthur, Bacchus, Caesar*), что, несомненно, детерминирует их прецедентный характер; во-вторых, об их конвенционально закрепленной ассоциативной и аксиологической маркированности. Например, английская пословица: *Where MacGregor sits is the head of the table – Там, где сидит МакГрегор, и есть во главе стола* [3: 13] соотносит содержание пословицы с Робертом МакГрегором, печально известным преступником «Робом Ройем».

Таким образом, в качестве наименования лица в английской пословице могут фигурировать прецедентные имена, за которыми закреплен соответствующий этно-лингвокультурный ассоциативный и аксиологический фон: *If the mountain will not come to Mahomet, Mahomet must go to the mountain – Если гора не идет к Магомеду, то Магомед идет к горе* [3: 70]. Обладая явной отсылочной функцией, они характеризуются перенесением характеристик известного лица на субъект конкретной ситуации. Наличие прецедентного имени в пословице, а также закрепленный за ним ассоциативный фон и коннотации свидетельствуют о репрезентации такими единицами экспрессивной и оценочной семантики.

Согласно взглядам О.Е.Фроловой, подобные имена могут быть названы воплощенными [9]. Не обнаруживая принципиальных отличий между воплощенными и прецедентными именами собственными, мы называем подобные собственные имена (антропонимы) прецедентными. И те, и другие связаны с конкретным объектом, обозначают его признаки и свойства, вызывают определенные ассоциации и достаточно легко декодируются, так как известны большинству представителей данного этно-лингвокультурного социума.

Для пословичного фонда русского языка использование прецедентных имен является скорее исключением. Редкие примеры использования прецедентных имен в русских пословицах апеллируют к библейским сюжетам и текстам, к широко известным ситуациям с совершенно определенным ассоциативным фоном: *Ирод* *клянется*, *Иуда* *лобзает*, *да им веры неймут* [2:10]; *Адам* *согрешил*, *а мы вздыхаем* [2: 18]. Вместе с тем фигурирование в пословицах обоих языков библейских имен, каждое из которых может рассматриваться как прецедентное, носит всеохватывающий (интернациональный) характер, так как не ограничено определенным языковым пространством и распознается представителями разных культур, не вызывая когнитивных усилий.

В целом при использовании в английских и русских пословицах прецедентных имен, на наш взгляд, достигается исключение редкой, но возможной личной номинации, когда имя собственное в пословице совпадает с именем собственным адресата; обеспечивается максимальная контекстуальная (ситуативная) обобщенность субъекта действия (адресата) при исключительно формальной текстовой конкретизации; происходит снижение личной ответственности адресанта и его вовлеченности. Кроме того, использование прецедентного антропонима как такового в английских и русских пословицах, вызывая определенные ассоциации, в большинстве случаев создает декодирующий эффект, так как при наличии фоновых знаний ведет к достижению перлокутивного эффекта и коммуникативной удаче. Также обращение к прецедентному имени устраняет нейтральность, оживляет и интенсифицирует содержание пословицы.

Также можно утверждать, что в пословичных фондах двух языков особенно ярко проявляется двойственный характер антропонимии, имена собственные не называют конкретных людей, не реализовывая «номинативной и идентифицирующе-дифференциальной функций, свойственных ИС...» [10: 24]. «Основное назначение данных слов – служить потенциальными антропонимами, «именами вообще» [10: 24], пригодными для конкретной номинации, не находят своего подтверждения в условиях реализации, что отражает принципы функционирования антропонимов в целом (не только прецедентных) в пословичных фондах двух языков и является их универсальной чертой.

Прецедентные имена собственные в пословицах русского и английского языков только на первый взгляд характеризуются конкретной референтной отнесенностью. На самом деле субъект действия соотносится с определенным биб-

лейским, историческим лицом формально. Используемое в пословице прецедентное имя собственное – формальный адресат, который может обозначать любое лицо и по своей семантике оказывается обобщенным. Следовательно, в русских и английских пословицах с прецедентными и непрецедентными именами собственными, помимо формального адресата, мы имеем реального адресата (глубинный адресат, скрыт за тканью пословичного текста), к которому данная пословица обращена и которым может являться 1-ое, 2-ое или 3-е лицо. Глубинный адресат приобретает свою конкретизацию только в контексте.

Ключевым аспектом здесь является то, что данная ситуация отражает прежде всего когнитивные процессы адресанта, для которого адресат обобщен в тексте пословицы, а в речи – конкретен. В этом смысле слово обязательно проходит через приму осмысления и интерпретации, компрессируя многочисленные дополнительные смыслы: «означивание языкового знака происходит в системе языка, собственно при его создании, при наименовании определенного денотата (типизированного предмета), а второе означивание осуществляется в речи при использовании уже существующего языкового знака для наименования референта (конкретного предмета)» [11: 79].

В свою очередь, для адресата субъект действия, вербализованный в пословице, может оставаться обобщенным даже в условиях контекстуального употребления. Факт подобной обобщенности на уровне контекста может объясняться отсутствием фоновых знаний или индивидуальными особенностями осуществления когнитивных процессов.

Возможность обобщения / конкретизации антропонима-субъекта действия русских и английских пословиц раскрывает глубинный потенциал имени в структуре вторичного текста, где когнитивно, функционально и прагматически значимым оказывается не факультативная экспрессивность имени, а свойственная ему в тексте пословицы обобщенность.

Закрепление за именем собственным исключительно общего значения вне контекста говорит об элиминации содержательной ценности имени, поскольку полную реализацию оно получает после соотнесения с конкретным референтом (адресатом). Таким образом, глубинного адресата пословицы мы не связываем с референтным/ не-референтным употреблением имени и понимаем несколько шире, чем О.Е.Фролова: «... на поверхностном уровне имя собственное находится в позиции субъекта, на глубинном уровне пози-

ция имени другая. Мы интерпретируем ее как позицию глубинного адресата (вокатива), к которому обращена просьба говорящего. Данные пословицы могут быть перефразированы как просьбы...» [9: 39].

Высказанная нами точка зрения распространяется и на группу имен собственных, тяготеющих в обеих лингвокультурах к прецедентным именам. Среди антропонимов-субъектов действия, особенно частотных в обеих лингвокультурах, может быть также выделена группа имен, тяготеющих к прецедентным (*Василий, Jill, Марфа, Jack, Иван*). Например, широко известное английское имя *Jack*, ассоциирующееся чаще всего с весёлым парнем, проворным и хитрым, плутоватым, достаточно часто используется в английских пословицах: *Jack is good as his master* [3: 99]; *Every Jack has his Jill* [3: 106]. По своей семантике и функционированию данная группа антропонимов явно тяготеет к прецедентным именам.

Универсальность обоих пословичных фондов составляет в этом случае их стремление использовать имена собственные, имеющие прочную фольклорную традицию и использующиеся в других жанрах фольклора: (*Jack Frost (Ледяной Джек), Spring-Heeled Jack (Джек-прыгун), Jack-in-irons (Джек в цепях), Jack-a-lantern, Jack-with-a-lantern (Джеки-лампадка), Иванушка-дурачок, Иван-дурак*). Вместе с тем некоторые антропонимы в обеих лингвокультурах справедливо могут быть отнесены к разряду прецедентных фольклорных имен, так как выполняют символическую и отсылочную функции, отражают аксиологическое конвенционально-закрепленное представление о лице.

По нашему мнению, частотность имен (*Jill, Jack, Иван*) объясняется в первую очередь генетической близостью фольклорных форм друг к другу и принадлежностью пословиц к одним из них. Также это связано с тем, что в задачу пословицы при использовании прецедентного имени входит внесение в качестве субъекта действия максимально знакомое представителям каждой лингвокультуры лицо. В этом случае за наименованием лица (субъекта) стоит конвенционально закрепленный стереотип поведения, черты характера, аксиологическая маркированность, которые распознаются адресатом и на которые и ориентируются представители нации.

Универсальным для обоих пословичных фондов в использовании имен, приближающихся по своей семантике и функционированию к прецедентным, представляется то, что наименование лица как таковое не несёт информационной ценности. Первостепенное значение здесь имеет не

наименование лица по имени, а фоновые знания, ассоциативный ряд, конвенционально закрепленная аксиологическая маркированность, оценка, побуждение или общее назидание, заложенные в пословицу и применимые как эталон поведения ко всем представителям нации.

Универсальность функционирования антропонимов-субъектов действия в пословичных фондах русского и английского языков, по нашему мнению, заключается также и в нечастом обращении к ним по сравнению с нарицательными существительными. Данная особенность пословичных фондов двух языков обусловлена двумя основными тенденциями построения и функционирования пословичного текста – стремлением к экспрессивности и одновременно обобщенности. При наличии в пословице имени собственного (прецедентного / непрецедентного) неизменно соблюдается только один принцип – обобщённость. Экспрессивность как характеристика антропонима оказывается признаком, свойственным прецедентным именам, именам, тяготеющим по своей семантике и функционированию к прецедентным, а также антропонимам с диминутивными аффиксами субъективной оценки.

Обращение к имени собственному прецедентному или содержащему диминутивную форму имеет огромное значение для содержания всей пословицы и макро-контекста, так как характеризуется огромной экспрессивно-оценочной нагрузкой, тесно связанной с прагматической функцией высказывания, его экспрессивностью и оценочностью. Использование в пословицах обоих языков имен собственных, в том числе и прецедентных, максимально обобщенных и в силу этого по семантике тяготеющих к нарицательным, связано со стремлением к такому отображению действительности, которое допускает десемантизацию номинативных сем лексических единиц и актуализацию экспрессивно-оценочных, что составляет универсальность обоих пословичных фондов.

Этно-лингвокультурную специфику семантики и функционирования антропонимов-субъектов действия русских пословиц составляет частотность и разнообразие имен собственных, наличие диминутивных аффиксов субъективной оценки, детерминирующих прямую экспликацию оценочных и экспрессивных сем, частая ритмизация структуры и наличие дополнительных средств создания и интенсификации семантики экспрессивности.

*****

1. *Даль В.И.* Пословицы русского народа в 3-х т. – М.: Русская книга, 1993. – Т.1. – 736 с.
2. *Даль В.И.* Пословицы русского народа в 3-х т. – М.: Русская книга, 1993. – Т.3. – 640 с.
3. *Fergusson R., Law J.* The Penguin Dictionary of proverbs. – Kent, Penguin Books, Market house books 2000. – 366 с.
4. *Brown R.W., Ford M.* Address in American English // Language in Culture and society. – New York, Harper and Row. 2000. – P.234 – 244.
5. *Ермолович Д.И.* Имена собственные на стыке языков и культур. – М.: Р.Валент, 2001. – 200 с.
6. *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 512 с.
7. *Вежбицкая А.* Язык. Культура. Познание: Отв. ред. М.А.Кронгауз. – М.: Русские словари, 1997. – 416 с.
8. *Данилина Е.Ф.* К вопросу о лексическом значении имен собственных // Лексика и словообразование русского языка. – Пенза: Пензенский ГПИ, 1972. – С.6 – 15.
9. *Фролова О.Е.* Антропоним в жестко структурированном тексте // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С.36 – 44.
10. *Смольников С.Н.* Актуальная и потенциальная русская антропонимия // Вопросы ономастики. – 2005. – № 2. – С. 24 – 35.
11. *Гудавичус А.* О понятии смысла в лексической семантике // Лингвистика: взаимодействие концепций и парадигм. Вып. I. ч. I: Материалы межведомственной научно-практической конференции (Харьков – Сочи, 1991). – Харьков, ХИМЭСХ, 1991. – С. 79 – 81.

ANTHROPONYMS IN RUSSIAN AND ENGLISH PROVERBS: EXPRESSIVE AND GENERALIZED SEMANTICS

L.V.Grichenko

The article deals with the issue of universality and ethno-specificity of Russian and English anthroponyms. It also presents a linguistic, folklore and ethno-lingvocultural study of expressive and generalized semantics of Russian and English anthroponyms.

Key words: proverb, subject, anthroponomy, semantics, expressive and generalized semantics, diminutive affixes.

*****

1. *Dal V.I.* Posloviцы russkogo naroda. – М.: Russkaya kniga, 1993. – 736 s. (In Russian)
2. *Dal V.I.* Posloviцы russkogo naroda. – М.: Russkaya kniga, 1993. – 640 s. (In Russian)
3. *Fergusson R., Law J.* The Penguin Dictionary of proverbs. – Kent, Penguin Books, Market house books 2000. – 366s. (In English)
4. *Brown R.W., Ford M.* Address in American English // Language in Culture and society. – New York, Harper and Row. 2000. S.234-244. (In English)
5. *Ermolovich D.I.* Imena sobstvennyye na styke yazykov i kultur. – М.: R.Valent, 2001. – 200 s. (In Russian)
6. *Larina T.V.* Kategoriya veshlivosti i stil kommunikacii: Sopostavlenie angliyskih i russkih lingvokulturnykh traditsiy. – М.: Rukopisnye pamyatniki Drevney Rusi, 2009. – 512 s. (In Russian)
7. *Vezhbickaya A.* Yazyk. Kultura. Poznanie: Otv. red. M.A.Krongauz. – М.: Russkie slovani, 1997. – 416 s. (In Russian)
8. *Danilina E.F.* K voprosu o leksicheskom znachenii imen sobstvennyh // Leksika i slovoobrazovanie russkogo yazyka. – Penza, Penzenskiy GPI, 1972. – S.6 – 15. (In Russian)
9. *Frolova O.E.* Antroponim v zhestko strukturirovanom tekste // Voprosy onomastiki. – 2005. – № 2. – S.36 – 44. (In Russian)
10. *Smolnikov S.N.* Aktualnaya i potencialnaya russkaya antroponimiya // Voprosy onomastiki. – 2005. – № 2. – S. 24 – 35. (In Russian)
11. *Gudavichus A.* O ponyatii smysla v leksicheskoy semantike // Lingvistika: vzaimodeystvie koncepciy i paradig. Vyp.I. ch. I: Materialy mezhvedomstvennoy nauchno-prakticheskoy konferencii (Harkov – Sochi, 1991). – Harkov, HIMESH, 1991. – S. 79 – 81. (In Russian)

*****

Гриченко Людмила Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики английского языка, докторант кафедры русского языка и культуры речи Южного федерального университета.

344006, Ростов-на-Дону, ул. Садовская, 105 В.
E-mail: rgrichenko@yandex.ru

Grichenko Ljudmila Vladimirovna – PhD in Philology, Associate Professor, Department of the English Language Theory and Practice, Southern Federal University.

105 B. Sadovaya Str., Rostov-upon-Don, 344006, Russia.
E-mail: rgrichenko@yandex.ru

Поступила в редакцию 12.01.2014